

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ САМУИЛОМ АРОНОВИЧЕМ КУГЕЛЕМ

— Вы известны прежде всего как специалист в области науковедения и социологии науки. Как и когда складывалась социология и в частности социология науки как профессия в Советском Союзе?

Известно, что после войны первая социологическая организация возникла в Москве. Это был отдел социальных проблем труда в Институте философии СССР, которым заведовал Г.В. Осипов. В конце 50-х гг. в Советском Союзе развиваются социологические исследования на основе статистических данных.* По моим сведениям примерно в эти же годы похожие исследования развернулись и в США.

* Более подробно о развитии социологии науки в России см.: Келле В.Ж., Винклер Р.-Л. Социология науки // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 281–303. — *Прим. ред.*

Кугель Самуил Аронович (р. 1924). — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник С.-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, руководитель Центра социолого-научоведческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Адрес: 199034, Университетская наб., д. 5.

Тел.: (812) 312-64-54 (раб.).

E-mail: kugel@peterlink.ru

Социология науки складывалась как профессия в 1960-х гг. Первая лаборатория по социологии науки — это лаборатория А.А. Зворыкина в Москве (в подвале на Песцовом переулке, 19). В 1968 г. в Ленинграде был создан первый в стране сектор социологии науки в Ленинградском отделении ИИЕТ АН СССР. В Киеве Г.М. Добров создал Центр исследования научно-технического потенциала и истории науки. В Новосибирске в 1960-х годах первое науковедческое подразделение в составе Горного института возглавил А.И. Щербаков. В Москве (1969 г.) для проведения социологических исследований науки был сформирован отдел науковедения ИИЕТ АН СССР под руководством С.Р. Микулинского, в котором большую роль играли В.Ж. Келле и Е.З. Мирская. Лишь некоторые из них были специалистами в строгом смысле этого слова, но именно с их именами связано становление этой отрасли социологии.

Развитие социологии науки происходило под влиянием прежде всего американской социологии. Это влияние было непосредственным или шло через польскую социологию, которая в значительной мере черпала свои идеи у американских социологов.

В Ленинграде в 1960-х годах социолого-науковедческие исследования поддерживал Областной комитет КПСС, на заседаниях которого заслушивались итоги исследований. Помимо этого науковедческая тематика была поддержана некоторыми ректорами и учеными советами вузов.

Зато позднее картина резко изменилась. Времена поддержки социологии миновали, и началось охлаждение не только к науковедческому направлению. Наступили тяжелые времена. Были нанесены неоправданные и необоснованные удары по таким социологам, как А.Н. Алексеев, Б.М. Фирсов, А.В. Тихонов, которого сняли с работы буквально за составление анкеты, где предлагалось ответить на вопрос об отношении к переменам в обществе.

— *Что повлияло на Ваш профессиональный выбор и Ваши приоритеты в научной деятельности?*

Сначала несколько слов биографического характера. Я родился в Минске в 1924 г. в семье служащих. Через четыре года семья переехала в Ленинград. С 1939 г. жил с матерью в Комсомольске-на-Амуре, она была направлена туда врачом на работу в системе ГУЛАГа. Там я окончил 8-ой класс средней школы. Постоянно общался в среде заключенных и охраны. В 1940 г. мы вернулись в Ленинград, где я окончил 9-й класс. В конце 1941 г. был эвакуирован в г. Шую Ивановской области, где окончил 10-й класс. Был избран секретарем горкома комсомола по военной работе и заместителем директора по воспитательной работе медицинского техникума. В сентябре 1942 г. был принят в Горьковское танковое училище, находившееся в знаменитых Гороховецких лагерях. Однако вскоре был отчислен в связи с тем, что не достиг призывного возраста (первая жертва «конверсии»). В октябре 1942 г. по достижении призывного возраста поступил в Ленинградское краснознаменное военно-политическое училище, эвакуированное в то время в г. Шую. По его окончании (по сокращенной программе) был отправлен на Степной фронт, в то

время форсировавший Днепр. Здесь при форсировании Днепра был принят в члены КПСС. В составе 252 Харьковской дважды Краснознаменной дивизии непосредственно участвовал в боях до окончания войны. Награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны и многими медалями. После окончания войны служил в Венгрии, Австрии, Эстонии, Ленинграде. В 1951–1954 гг. учился в Высшем Военно-Педагогическом институте. После этого четыре года служил в Забайкальском военном округе (ЗАБО — «забудь о возвращении обратно», как его называли).

В 1954 г. по болезни, полученной в период прохождения военной службы, был демобилизован. Окончил аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена по кафедре философии. В связи с отсутствием мест в вузах Ленинграда был направлен Куйбышевским Райкомом КПСС в организацию «Ленкнига», где работал вначале директором книжного магазина, затем начальником отдела политической книги. С 1961 г. по 1969 г. преподавал общественные науки в Текстильном институте в Ленинграде и в Псковском Педагогическом институте (в течение года), В 1969 г. перешел в Академию наук СССР, где в Ленинградском отделе создал первый в стране сектор социологии науки. В 1975 г. этот отдел, как и другие отделы московских общественных институтов, был передан в новый Институт социально-экономических проблем АН (ИСЭП).

Многие считают 1960-е годы временем оттепели и рассвета, но я думаю, что это не совсем так. Шестидесятые годы неоднородны, в них были подъемы и спады.

Интересным образом разворачивалась ситуация вокруг проблемы социальных различий. В 1963 г. мной была выдвинута идея о внутриклассовых различиях советского общества. Кроме того, я выдвинул идею о том, что интеллигенция не является прослойкой, а каждый класс имеет свою интеллигенцию.

— *А кого Вы называете интеллигенцией?*

Например, М.Н. Руткевич считает, что интеллигенция — это специалисты со средним и высшим образованием, я же считаю, что это одухотворенные люди, которые обладают культурой, высокой нравственностью и высокой ответственностью за судьбы народа. Можно говорить о крестьянской интеллигенции, о рабочей интеллигенции, т.е. это не только образованные рабочие, но и рабочие, обладающие высокой культурой, нравственностью и ответственностью.

На основе концепции социальных различий мной в соавторстве с О.И. Шкартаном была написана статья, опубликованная в журнале «Философские науки». Моя кандидатская диссертация (1963 г.) была посвящена изучению социальной структуры и называлась «Изменения социальной структуры при переходе к коммунизму». В 1963 г. С.С. Караваев пишет статью о социальных слоях при социализме. Сборник с его статьей не утверждается к печати в Ленинграде соответствующими органами. Все редакторы этого сборника получили по выговору, После появления в Москве моей книги по теме вышеназванной диссертации П.Л. Иванов,

заведующий кафедрой философии Педагогического института им. А.И. Герцена в Ленинграде был возмущен. Но его не поддержали заведующие других кафедр и ряд других философов. Кроме того, положение о внутриклассовых различиях подверг резкой критике бывший тогда заведующим кафедрой философии в Уральском университете М.Н. Руткевич. Но продолжения эта история не имела.

— *Как отразилось становление социологии науки в СССР на Вашей научной биографии?*

В 1974 г. я защитил докторскую диссертацию по прикладной социологии «Структура и мобильность научных кадров в СССР». Эта была одна из первых защит по социологии, но формально специальность называлась «Философия (прикладная социология)».

В 70-е годы по социологам науки был нанесен серьезный удар. Это были тяжелейшие годы. Президент АН СССР академик М.В. Келдыш был против создания Института социально-экономических проблем (ИСЭП). Члены Президиума АН СССР называли его «окрошкой», поскольку он включал в себя тематически несовместимые подразделения. Трудно найти аналог этому институту. Создан он был принудительно. 13 марта 1975 г. состоялся Президиум АН СССР, на котором центральным был вопрос о его создании. Директор уже был назначен. С программными сообщениями должны были выступить новый директор Г.Н. Черкасов, В.А. Ядов, О.Н. Фаянс — директор филиала Экономико-математического института, В.С. Соминский и я. Почему я — непонятно, так как уже было предварительное решение, что сектора социологии науки в ИСЭП не будет. Выступления Фаянса и Ядова были приняты спокойно. Основной удар академик Келдыш нанес по социологии и экономике науки, т.е. по Соминскому и по мне. Руководители науки считали, что руководить могут только они, а не какие-то мальчишки-«социологи науки». Первый раз Келдыш перебил меня через 2 минуты:

— Я представляю социологию науки.

— Что?!

После заседания С.Р. Микулинский спросил меня: «Выстоял?». Я выстоял.

После окончания Президиума сложилось мнение, что ИСЭП не будет. Моя научная карьера была поставлена под вопрос. Многие считали, что социологии науки Ленинграда — конец, но они заблуждались. 1 апреля 1975 г. пришла телефонограмма о создании ИСЭП. Что произошло за эти две недели, мне и моим коллегам неизвестно. По-видимому, первый секретарь ОК КПСС Б.Г. Романов, заинтересованный в создании «придворного» академического института, обратился напрямую к главному идеологу партии и страны М.А. Суслову.

Через год-два опять начались крупномасштабные исследования и стали проводиться конференции. Ведь конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» зародились в 1968 г. и продолжались примерно до 1979 г. Даже в этот период выходили сборники «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов».

С 1975 по 1977 гг. я работал в Институте социально-экономических проблем (ИСЭП). Первоначально бывший тогда директором ИСЭП Гелий Николаевич Черкасов поддерживал меня, но потом стал вдруг преследовать.

Это было очень странно, ведь сектор социологии науки ленинградского отдела Института истории естествознания и техники переживал свой расцвет. В 1973 г. вышли коллективные монографии «Научные кадры Ленинграда» и «Научно-техническая революция и изменения структуры научных кадров СССР», за участие в последней я был награжден дипломом почета I степени ВДНХ СССР.

Формально сектор должен был сохраниться в ИСЭП, но по непонятным до сих пор причинам он был ликвидирован. Я некоторое время оставался в ИСЭП, положение было тяжелое. Чуть ли не каждый день — новые запрещения, например, международного сотрудничества. Я был вынужден перейти на работу в Финансово-экономический институт на кафедру философии. Вначале все шло хорошо. Проводились социологические исследования на «Электросиле» и ряде других предприятий. Но вскоре одна из сотрудниц кафедры начала меня систематически преследовать. Я бежал на кафедру социологии, где проработал до 1989 г. Все эти годы я ощущал поддержку ректора ЛФЭИ проф. Ю.С. Лаврикова.

С 1989 г. я работаю в Ленинградском, затем С.-Петербургском филиале ИИЕТ РАН главным научным сотрудником в должности руководителя Центра социолого-научоведческих исследований. Одновременно руковожу социологической лабораторией в Университете экономики и финансов, готовлю аспирантов.

Удостоен правительственных наград. Мне присвоено звание заслуженного деятеля науки России. Неоднократно по конкурсу я получал гранты РГНФ, РФФИ, Правительства северных стран, Института «Открытое общество» и «Культурная инициатива». Неоднократно избирался членом руководства Комитета по социологии науки и технологии Международной социологической ассоциации.

Возвращаясь к Вашему вопросу о выборе профессии и приоритетах, могу сказать, что на мое увлечение социологией науки повлияло несколько факторов: роль науки в обществе, интерес к эмпирическому изучению деятельности ученых, размышления над социальной структурой общества, стремление к совершенствованию социальных отношений.

— *Какое значение имеет такая специальная дисциплина, как социология науки?*

Социология науки помогает осмыслению творческих процессов в науке, проблем соотношения коллективного и индивидуального, формирования ученого, а также организации научной деятельности.

— *Что можно сказать о роли Ленинграда в становлении советской и российской социологии, о ленинградской школе?*

Ленинград сыграл значительную роль в становлении советской социологии (В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, И.С. Кон). В отношении ленин-

градской школы могу сказать, что в Ленинграде кроме отдельных самостоятельных исследований существовало несколько школ. Прежде всего школа В.А. Ядова, которую отождествляют с ленинградской школой. Но, по-моему, это неверно. Нельзя забывать о школе ОМ. Шкаратана, которая не являлась частью школы Ядова. Была социолога-наукоедческая школа, которая функционировала с 1960-х гг. и работает до настоящего времени. Ее члены работали параллельно со школой Ядова. Широко использовали западные теории, но разрабатывали и свои концепции.

В конце 1960-х гг. прошло первое Всесоюзное социологическое исследование (собственно это было не только социологическое, но междисциплинарное исследование). Наряду с социологами ядром исследования были химики. Участвовали социологи Москвы и Ленинграда, химики Москвы. Общее руководство осуществлял чл.-корр. С.Р. Микулинский (ИИЕТ АН СССР). Они исследовали академические учреждения союзных республик, отраслевые институты, опытные заводы химического профиля, вузы ряда городов (Ленинград, Свердловск и др.).

В организации работы активную роль сыграли ленинградские социологи (ЛО ИИЕТ РАН). Целью исследования было выявление рациональности сети химических учреждений и организации труда в научных учреждениях.

Объединение социологов различных городов и выдающихся химиков позволило получить солидные научные результаты. К сожалению, многие полезные результаты не были использованы на практике. Почти одновременно было проведено крупномасштабное исследование молодых инженеров и ученых Ленинграда. Были охвачены все типы научных и инженерных организаций.

Крупным событием в развитии ленинградской школы социологии науки была интеграция с библиометрическим направлением (О.М. Зусьман, Г.Ф. Гордукалова, В.А. Минкина). В результате был создан ряд крупных работ, например, о роли петербургской науки в мировой науке.

— Можно ли говорить о самостоятельной школе социологии науки в Ленинграде/С.-Петербурге и в России? Если да, то что она собой представляет?

С 50–60-х гг. в Ленинграде складываются солидные социолого-наукоедческие традиции: а) И.А. Майзель — преимущественно методологические проблемы; б) С.А. Кугель — преимущественно социальные проблемы ученых; в) М.Г. Лазар — этика науки; г) Ю.С. Мелешенко — социология техники. Иными словами, говорить об однородной школе социологии науки даже в Ленинграде сомнительно.

В Москве наиболее, по-моему мнению, известна школа В.Ж. Келле (сектор социологии науки ИИЕТ РАН). В определенные периоды совместно с Келле школу возглавлял чл.-корр. АН СССР С.Р. Микулинский. Они разработали программу исследования научных коллективов и провели его в 1970–1973 гг. К этой группе на определенном этапе примкнули социологи науки под моим руководством.

В Москве ранее существовала школа социологии науки А.А. Зворыкина. Последний ориентировался на статистические и эмпирические исследования. В настоящее время в Москве научной школы социологии науки нет.

В 1970–80-х гг. крупную школу науковедения в Киеве возглавлял покойный Г.М. Добров. В Ростове работала группа М.М. Карпова, в Новосибирске — лаборатория А.И. Щербакова.

— *Насколько изменилось положение в социологии науки в России в конце 1990-х годов?*

— Расширилась тематика исследований;

— За счет грантов появилась самостоятельность в исследованиях;

— Усилились международные связи;

— Вырос интерес руководящих работников Академии наук и вузов к социологии науки, в частности, Президиума СПБНЦ РАН.

— *Что Вы считаете главным достижением Вашей научной деятельности?*

Своим главным достижением я считаю участие в организации и руководстве Международной школой социологии науки и техники. Однажды Борис Максимович Фирсов, ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, назвал мою стратегию собирательством. Собирательство — это слово, которое очень точно характеризует деятельность Школы. Он подразумевал, что собираются и объединяются лучшие люди, независимо от ведомственной принадлежности, города, страны. Это практически единственная школа по социологии науки в мире. Западные социологи утверждают, что по другим отраслям социологии школы существуют, а по социологии науки — нет.

В 1990 г. в Ленинграде проходила международная конференция «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», на которой присутствовали многие зарубежные ученые. Это был пик интереса западных социологов к отечественной науке, к нашему городу. Был и профессор Стюарт Блюме. Он работал в Амстердамском университете, в отделе динамики науки. Одновременно он являлся руководителем исследовательского комитета социологии науки Международной социологической ассоциации. Именно он предложил создать в России Международную школу социологии науки и техники и прислал схему учебного плана. Он первым пытался получить деньги с Запада. По его замыслу Школа должна была объединить узкую группу молодых ученых России и западных стран, знающих социологию науки и владеющих английским языком. Рабочим языком должен был стать только английский. Однако Запад отказался финансировать это мероприятие. С тех пор Стюарт Блюме отошел от работы по организации Школы. И Школа создавалась уже в 1992 г. по своему сценарию петербургскими и московскими социологами, но с участием ученых из Америки, Европы и Японии. Эта традиция сохранилась.

В первой сессии Школы участвовали ученые только двух зарубежных стран. Это П. Тамаш (Венгрия), постоянный профессор Школы, один из

членов Оргкомитета, и профессор Н. Торен из Израиля. Как говорил один знаменитый ученый в начале века: «Всех физиков России можно поместить на один диван». Так и в Школе все слушатели поместились в Санкт-Петербургском отделении ИИЕТ за одним столом. Но это было только начало.

Впоследствии сложилась концепция Школы и ее предметная структура. Концепция Школы заключается в обучении через исследование. Как это осуществляется? Во-первых, один преподаватель — одна лекция. В порядке исключения — две. Профессора читают лекций по тем темам, по которым они внесли существенный вклад в мировую науку.

Во-вторых — участие слушателей в исследованиях. Если первое уже удастся, то второе удастся лишь частично. Это одна из проблем Школы.

Тематическая структура такова: прежде всего изучается социология науки и техники, ее внутренние и внешние аспекты, а также читаются дополнительные курсы: экономика и психология науки, социология девиантного поведения и т.д. При этом каждая сессия имеет свое тематическое название. Это не просто социология науки. В последние годы такими темами были: «Наука в системе социальных институтов в кризисный период», «Наука, технология и образование в России в условиях глобализации и трансформации общественной жизни», «Национальные системы профессиональных коммуникаций в науке и технологии, экономике и политике», «Наука, технология, общество: социальные аспекты взаимодействия на рубеже веков» и многие другие.

Столь разносторонний охват тем сессий способствует стабильному интересу к деятельности Школы среди слушателей. Так, в Школе есть постоянные слушатели, приезжающие из Москвы, Красноярска, Тольятти и других городов. Но это не «вечные» студенты, а люди, которые вырастают в преподавателей Школы. Материалы каждой сессии Школы публикуются в ежегодном продолжающемся сборнике «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» (15 выпусков), куда включаются статьи не только преподавателей Школы, но и ее слушателей.

Традиции Школы — фундаментальность и ориентация на практику. Именно поэтому Школу поддерживают Совет ректоров, Академия наук, вузы города. Школа является единственным в своем роде образовательным учреждением в России, дающим уникальную возможность соединить за «одной школьной партой» профессора и начинающего студента, фундаментальную науку и эмпирическое социологическое исследование.

— Как Вы оцениваете уровень социологического образования, академической институционализации социологии в С.-Петербурге в настоящее время?

В настоящее время уровень социологического образования в С.-Петербургском госуниверситете и Европейском университете в С.-Петербурге достаточно высок, чего нельзя сказать о технических и экономических вузах.

— Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1950-80-х гг. в Советском Союзе?

Ограниченное творчество в закрытой системе.

— Что это был за период для Вас лично? Насколько значим этот период в вашей профессиональной деятельности?

Несмотря на трудности и «пакости», социологические исследования шли непрерывно. В настоящее время накоплено около 20 тыс. анкет. Проводились исследования инженеров в масштабах города и района и отдельных предприятий.

— Кто был Вашими научными авторитетами и учителями?

Методике и технике я учился у В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова. Ядов дважды оппонировал мне на кандидатской и докторской диссертациях. И.С. Кон также был моим оппонентом. У В.Ж. Келле я учился методологии, глубине и широте постановки вопросов. С.Р. Микулинский научил меня культуре научной работы, как организовать крупномасштабное исследование и подготовить отчет. М.Г. Ярошевский показал мне возможность интеграции социологических и социально-психологических подходов к социологии науки. Г.М. Добров привлекал меня своими интересами, своей способностью устанавливать связь науки с практикой.

Из зарубежных ученых наибольшее влияние на меня оказали Р. Мертон, Д. Бернал, Я. Щепанский, Т. Кун, Д. Прайс, П. Вейнгард, П. Тамаш.

— Каково Ваше отношение к периоду перестройки и времени реформ 1990-х годов?

Отношение к перестройке и реформам? Проводить надо было, Но фактически проведены неудачно (если не сказать резко). Прежде всего это относится к приватизации, к разгрому отраслевой науки, нищенскому финансированию науки.

— Что ожидает российское общество в ближайшем будущем?

Это зависит от многих обстоятельств, результат которых пока предвидеть невозможно.

— Как выглядит в настоящее время ситуация в социологии науки в других странах?

Социология науки относится к одной из наиболее развитых отраслей, Наряду с процессами интеграции в этой области интенсивно идут процессы дифференциации. В особенности усилилась социология технологии, когнитивная социология науки, Много абстрактного, Международная социологическая ассоциация регулярно проводит международные конгрессы, создана Европейская социологическая ассоциация, в которой имеется секция социологии науки,

— *В каком направлении, с вашей точки зрения, развивается современная российская социология?*

Российская социология развивается в нескольких направлениях:

- а) фундаментальные исследования (опора на фонды);
- б) связь с инновационными процессами;
- в) перерастание в менеджмент.

— *Ваши теоретические пристрастия и принципы?*

Теории М. Вебера, Р. Мертона, Т. Куна, Д. Прайса. Главный принцип: связь эмпирических исследований с прикладными и фундаментальными.

— *Какие социологические проблемы и темы привлекают Ваше внимание в начале XXI столетия?*

Из проблем я бы отметил стратификацию в науке и воспроизводство основных социальных групп, особенно научной элиты. Что же касается тем, то это трансформация академической науки в России, международная миграция ученых, роль молодежи в науке.

— *Что мешает и что помогает Вам в научной работе?*

Мешает отсутствие «крепкого» научного подразделения, низкое и несистематическое финансирование, даже из научных фондов. Помогают гранты фондов, академические программы, поддержка руководства СПб НЦ РАН, комитета по науке и высшей школе и ряд руководителей (президент С.-Петербургского государственного технического университета академик Ю.С. Васильев, проректор С.-Петербургского государственного университета экономики и финансов профессор А.И. Муравьев и др.).

— *Ваши внепрофессиональные увлечения?*

Раньше — лыжи, художественная литература, театр. Теперь почти не остается времени.

— *Ваши научные планы и намерения?*

Успешно закончить три проводимых ныне исследования: «Роль РФФИ в развитии фундаментальной науки», международное исследование: «Трансформация академической науки» и «Международные академические связи ученых Санкт-Петербурга».

*Интервью подготовил и провел В.В. Козловский
при участии А.В. Тавровского*

Основные исследовательские проекты

Молодые инженеры Ленинграда (1967–1971)

Новое в изучении социальной структуры общества (1968)

Новые научные направления (1983)

Интеллектуальная миграция в России (1992–1993)

Международные коммуникации ученых (1992–1998)
Организация и функционирование международной школы социологии науки и техники в Санкт-Петербурге (1992–2001)
Исследования интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга (1993–1994)
Профессиональные и политические ориентации элиты Санкт-Петербурга (1998)
Социальные и политические ориентации молодых ученых академических институтов Санкт-Петербурга (2000)
Адаптация ученых северо-запада к переходным условиям (2000)
Роль РФФИ в развитии фундаментальных наук в Санкт-Петербурге (2000–2001)
Трансформация академической науки в 1990-х гг. (на материалах Санкт-Петербурга, Новосибирска, Хабаровска) (2000–2001)

Избранная библиография работ С.Л. Кугеля

Новое в изучении социальной структуры общества. Л.: Наука, 1967.
Проблемы деятельности ученого и научных коллективов / Под ред. С.А. Кугеля. Вып. 1 — 14. Л.-СПб., 1968–2001.
Молодые инженеры. М.: Мысль, 1971. (в соавторстве с О.Н. Никандровым)
Научные кадры Ленинграда / Под ред. С.А. Кугеля, Б.Д. Лебина, Ю.С. Мелещенко. Л.: Наука, 1973.
Научно-техническая революция и изменения структуры научных кадров СССР / Под ред. Дж. М. Гвишиани, С.Р. Микулинского, С.А. Кугеля. М.: Наука, 1973.
Профессиональная мобильность в науке. М.: Мысль, 1983.
Социальные аспекты интенсификации труда и подготовки инженеров / Под ред. С.А. Кугеля, И.П. Яковлева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
Научные кадры СССР: Динамика и структура научных кадров / Под ред. В.Ж. Келле, С.А. Кугеля. М.: Мысль, 1991.
Социальные механизмы переходных процессов в организации исследовательской деятельности // Вестник АН СССР. 1991. № 6.
Введение в социологию науки. Ч. 1. Ч. 2. СПб.: СПбУЭФ, 1992.
Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга / Под ред. С.А. Кугеля. СПб.: СПбУЭФ. Ч. 1. 1993. Ч. 2. 1994.
Профессиональный рост преподавателей вузов: проблемы исследования и управления (с соавторстве с М.Ю. Лысовой). СПб./Тольятти, 1994.
Социальная динамика современной науки / Отв. ред. В.Ж. Келле. М.: Мысль, 1995.
Профессиональная мобильность научной элиты в современной России. СПб.: Петрополис, 1996.
Институциональные изменения в российской науке: организационные и социально-психологические аспекты / Под ред. С.А. Кугеля. СПб.: Петрополис, 1997.
Ученые Ленинграда — Санкт-Петербурга (60–90 годы). Статьи разных лет. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998.
Социальные механизмы воспроизводства научной элиты (в соавторстве с Э.А. Троппом, В.М. Ломовицкой). СПб.: «Нестор», 1999.
Социология науки. Статьи и рефераты / Под ред. С.А. Кугеля. СПб.: Гидрометеоздат, 2000.
Peripheries in World Science: Latin America and Eastern Europe // American Culture in Europe: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by M.-F.G. Epitropoulos, V. Roudometof. London: Praeger, 1998. (with Th. Schott, R. Berrios, K.L. Rodriguez)
International School of Science & Technology Sociology // International Sociological Association. Newsletter of the Research Committee 23: Sociology of Science & Technology Sociology / Issue 1. September 2000. (with A. Rodny, E. Larionova)
High Technologies in Modern Russia: Social Incentives and Restraints. St. Petersburg: Nestor, 2000.